

Кудрина Ю.В.

Императорская власть и культурное строительство в России в конце XIX в.

«Александр III был истинным
державным покровителем искусств
и наук в нашем Отечестве».

И.В. Цветаев

Годы правления Императора Александра III были отмечены значительными успехами в укреплении могущества России, а также выдающимися достижениями в развитии культуры и науки.

Великий русский ученый Д.И. Менделеев в своей работе «Заветные мысли», дал высокую оценку вклада Александра Александровича в историческое развитие России. Он особо подчеркнул, что Александр III «провидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников»¹.

В период правления Александра III (1881 - 1894) Россия смогла в короткие сроки совершить стремительный экономический рывок, создать мощную промышленность, перевооружить русскую армию и флот, стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Примечательно, что все годы царствования Александра III Россия прожила в мире.

13 лет пребывания Александра III на престоле оказались чрезвычайно значительными и благотворными в области культурного строительства. По словам известного искусствоведа и художника Александра Бенуа, «оно подготовило тот расцвет русской культуры, который начавшись при нем продлился затем в течение всего царствования Николая II»². Годы правления Александра III были отмечены выдающимися достижениями в развитии отечественной науки. Историк В.О. Ключевский в речи 28 октября 1894 г. особо подчеркнул, что Император «поощрял и одобрял ученые общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей».

Заслуга Императора состояла в том, что он, как писал Л.А. Тихомиров, бывший народоволец, автор книги «Монархическая государственность», сумел «не только парализовать вредные стороны пореформенного положения, но даже вызвать подъем национального духа и творчества. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ.»³ Политика Александра III сводилась к сохранению и развитию российских основ, традиций и идеалов. Царствование Александра III прошло под знаком православного консерватизма. Национальная политика обеспечивала единство и неделимость Российской империи.

К моменту вступления на престол Император Александр III был членом Московского археологического общества любителей русских древностей (1865), Карамзинской библиотеки (1867), почетным попечителем Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже (1877 - 1881), почетным председателем Императорского

Русского исторического общества (1867), почетным членом Императорского русского географического общества (1866), Императорского археологического общества (1871), действительным членом Общества поощрения художеств (1879), а также почетным членом Московского (1865), Казанского (1866), Санкт-Петербургского (1866), Новороссийского (1866-1870) университетов и Российской академии наук (1866). Став Императором, Александр III осуществлял высочайшее покровительство всех вышеперечисленных историко-культурных и художественных институтов, уделяя особое внимание развитию национальных черт культуры и искусства.

Одним из важных элементов культурной политики, которую проводила императорская власть, было развитие в стране музейного дела, формирование сети музеев и архивных хранилищ документального материала. Большая роль в этом вопросе принадлежала лично Императору, который всячески поддерживал инициативы, исходящие как сверху, так и снизу, от самых разных лиц и организаций. Как говорил профессор П.П. Семенов Тянь-Шанский, в годы царствования Александра III пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа. «Народное самопознание прежде всего должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу»⁴.

Специальным указом Императора каждый год отпускалось 20000 рублей для пополнения музейных собраний и приобретения художественных произведений для вновь открывающихся музеев как в провинции, так и в столице Российской империи.

Александр Александровичу принадлежала инициатива создания в Москве Исторического музея, а также в Севастополе – Севастопольского музея, в Санкт-Петербурге – Русского музея.

Мысль о необходимости создания Исторического музея возникла у цесаревича Александра Александровича во время его пребывания в Дании и посещения Датского музея древностей Розенборг. «Плодом посещения Розенборга, – писал в своих воспоминаниях граф С.Д. Шереметев, явилось желание учредить нечто подобное у нас... Понятно, что центром этого избрана была Москва и вопрос этот цесаревич принял горячо к сердцу. Но время, когда возник этот вопрос, было крайне неблагоприятно... На мысль цесаревича посмотрели как на затею. С одной стороны, равнодушие и непонимание истинного значения дела, с другой – желание воспользоваться случаем для личных целей и отсутствие всякого руководства передало это дело в руки случайные... Отсутствие средств явилось главным препятствием. Не мало слышалось отзывов, возражений, сомневались в пользе такого музея. «Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что!»⁵.

Во время Политехнической выставки в Москве в 1872 г. ее устроители обратились к Императору Александру II с предложением создать на основе материалов выставки Музей отечественной истории. Император согласился и предложил Александру Александровичу, который уже высказывался о необходимости создания такого музея, стать его покровителем – почетным председателем Музея отечественной истории, который стал прообразом Исторического музея.

Дело создания Исторического музея, который с 1881 г. входил в правительственное ведомство, продвигалось, несмотря на все усилия, очень медленно. По свидетельству С.Д. Шереметева, многие «относились к делу пренебрежительно. Неудаче и неудаче его вначале иные даже радовались. С самого начала дело переходило из одних случайных рук в другие, пока не примкнул к нему граф А.С. Уваров... Отсутствие руководства ощущалось все время, как и отсутствие лица, стоящего вне пристрастных течений и имеющего задачей своею быть

помощником цесаревичу в этом деле... Собственно говоря, настоящей здоровой серьезной помощи ни с какой стороны у него не было, и никто не думал о том, что нужна эта помощь. Только личным участием, посещениями, вкладами, последовательностью удалось цесаревичу оградить все дело от застоя.»⁶.

Понимая всю важность строительства в Москве музея отечественной истории, Александр Александрович писал своему брату, великому князю Сергею Александровичу: «Жду теперь твоего письма о Московском Историческом музее, очень досадно, что дела так запутались и надо непременно помочь этому делу, и привести все в порядок, в чем я надеюсь очень на тебя, что ты мне поможешь в этом.»⁷.

Большая заслуга в формировании фондов Музея принадлежала известному русскому историку И.Е. Забелину, который в своих дневниках рассказывал: «Покупаем так называемый «хлам» и в вещах, и книгах, рукописных особенно. Но что значит «хлам»? Ведь Императорскому Лицею (имеется в виду Царскосельский (с 1843 г. – Александровский) Императорский Лицей) поставлено в неуклонную обязанность по §1 его Положения выяснить, обозначить во всех подробностях быт Русской народности. И как же это сделать, не собирая именно «хлама» тех памятников, которые еще отличаются от бытия сей народности... Берем рукописи, покупаем молитвенники, сборники, в которых списки, каноны, акафисты, молитвы избранным святым и при них иногда записки о домашних делах, о событиях и т.п. «Этот хлам» изобразительно расскажет о чувствах, мыслях народности, о направлении ее умственных интересов.»⁸.

К 1883 г. строительство здания Исторического музея на Красной площади (архитекторы В. Шервуд и А. Семенов) подошло к концу. Была назначена первоначальная дата открытия Музея – 16 мая 1883 г., в дни коронации Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны. В этот день Император и Императрица впервые приехали в готовый к приему посетителей Исторический Музей. Официальное открытие Исторического Музея состоялось 2 июня 1883 г. В документах об учреждении Исторического музея говорилось: «Этот храм, воздвигнутый во славу вековой жизни русского народа, должен собрать воедино со всех концов Земли русской заветные святыни народа, памятники и документы всего русского государства, изобразить в обрядах и картинах имена великих подвижников и деятелей и знаменательнейшие события; живым словом раскрыть перед народом славные страницы его истории и события великого прошлого. Деяния предков наших предстанут как бы воочию перед тысячами людей, разнесутся молвою по всему обширному Отечеству нашему, перейдут к детям и внукам нашим.».

И.Е. Забелин в своих дневниках расскажет о посещении императорской четой Исторического музея в мае 1891 г.: «17 мая, пятница. Прибыл Государь. Встреча изумительнейшая по торжеству и сердечности...»⁹.

Александр Александрович пожаловал музею пять грандиозных исторических картин, сюжеты которых были связаны с событиями Смутного времени, бронзовые и медные пушки русских мастеров XVII в. из Кремлевского арсенала. Что касается Марии Федоровны, то она из своей коллекции пожертвовала музею женские народные головные уборы и образцы изделий из стекла XVII – XVIII вв., а также аптекарскую посуду начала XVIII в., заказанную еще Петром I.

Покровительство Императорского дома во многом способствовало не только созданию, но и развитию музея. Члены императорской семьи пополняли его фонды в соответствии с программой, которая определяла широкий спектр собираемых вещей. После смерти Александра III Исторический музей стал носить имя Императора Александра III. По

предложению коллектива музея в 1898 г. в вестибюле музея был установлен бюст покойного Императора работы скульптора Р.Р. Баха.

Многие современники оставили яркие воспоминания о деятельности Александра III на поприще исторической науки в качестве почетного председателя Императорского русского исторического общества. Все отмечали тот огромный вклад, который он внес в дело развития в стране исторических знаний. Профессор И.В. Цветаев: «Особые симпатии почившего государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств, всем известны, как известно всем образованным людям и то, что Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Русского исторического общества и лично участвовал в его заседаниях.»¹⁰

Профессор истории В.О. Ключевский выступая 28 октября 1894 г. после кончины Императора на заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, сказал: «...назвать его (Императора Александра III – Ю.К.) покровителем обществ, занимающихся изучением истории и археологии России, значит слишком слабо выразить его отношение к этой отрасли знаний. Он не только благословлял к трудам в этой отрасли. Он возбуждал и поощрял их средствами материальными и нравственными. В числе обществ, пользовавшихся обильными пособиями от державной руки, и наше удостоено было им усиленной поддержки.»¹¹

Историк В.В. Назаревский: «Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошел и Петра I, и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми руководствовался в делах своего правления...»¹².

Академик Н.Ф. Дубровин: «Никто из членов общества не забудет, с каким вниманием и интересом относился государь ко всем чтениям, а как хорошо Он сам был знаком с историей России и русского народа в главнейших проявлениях его жизни.»¹³.

Александр III был лично знаком с многими историками: В.О. Ключевским, И.Е. Забелиным, Н.К. Шильдером, С.М. Соловьевым, Ф.И. Буслаевым и др. Последние были преподавателями у его старшего брата великого князя Николая Александровича и у самого Александра Александровича. Когда у второго сына Императора – великого князя Георгия Александровича был диагностирован туберкулез и он вынужден был поселиться на Кавказе, в Абас-Тумане, Император при выборе преподавателя истории остановился на кандидатуре профессора Университета В.О. Ключевского.

Образованное в 1866 г. в Санкт-Петербурге Русское историческое общество (с 1873 – Императорское) действовало под личным председательством Александра Александровича¹⁴. Секретарь общества, член Государственного совета А.А. Половцов, говоря о задачах общества, подчеркнул: «Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприятная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем нам дорогую Россию, в литературе 60-х годов, за редкими исключениями, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и правившие им силы.»¹⁵.

Из дневников цесаревича Александра Александровича: «7/19 февраля 1867 г. Вторник. Принял депутатов Русского исторического общества. Был между ними князь Вяземский (Вяземский П.А. (1792-1878) – русский поэт, критик, сенатор – Ю.К.). Они приехали просить меня быть почетным председателем общества». «28 февраля/12 марта. Вторник. Отправился в Русское историческое общество в Министерство иностранных дел. Князь Вяземский встретил

меня с приветствием». «1870 г. 10/20 марта. Вторник. В 3/4 9 вернулся домой, и у меня было собрание нашего Исторического общества в библиотеке. Читали отчет, а потом некоторые из членов читали весьма интересные записки». «25 октября/6 ноября 1871 г. Понедельник. Царское Село и Петербург. В 1/2 3 вернулся домой и принял у себя А. А. Половцова, который желал меня видеть по нашему Историческому обществу». «28 марта/9 апреля 1873 г. Среда. Вечером у меня было годовое заседание нашего Исторического общества и собралось чинов человек 16», «15/27 марта 1874 г. Пятница. В 1/2 9 у меня было годовичное наше заседание Исторического общества в библиотеке, и набралось до 16 человек... Первым председателем общества был князь Вяземский»¹⁶.

Особый интерес проявлял Александр III к археологии. По оценке В.О. Ключевского, «Император был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например, иконографии». Он был почетным членом Императорской археологической комиссии. На ходатайстве председателя Императорского московского археологического общества графини П.С. Уваровой о необходимости археологических раскопок в Херсонесе, Император написал резолюцию: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует, и представьте мне заключение и как можно скорее, чтобы спасти все, что можно спасти».

В мае 1893 г. Император посетил музей, установленный на месте раскопок в Херсонесе, где с большим интересом осматривал «предметы древностей, найденные при работах». Русский историк, искусствовед, археолог и художественный критик, современник Императора, А.В. Прахов в статье, посвященной Александру III напишет «Внимание Государя приковано к русской истории и страсть к ее памятникам проходит яркою чертою через всю Его жизнь.»¹⁷.

Для расширения археологических работ по инициативе Императора были открыты особые сверхсметные кредиты на издание материалов, на приобретение древностей. Число археологических экспедиций было значительно увеличено. Только в 1889 г. Император из своих личных средств пожертвовал 10 тыс. рублей на археологические исследования Кавказа и Востока России. За весь период царствования Александра Александровича сумма кредитов на развитие исторических исследований составила до полумиллиона рублей.

Различного рода предметы, приобретенные Археологической комиссией, после научного описания отправлялись в различные музеи страны. За 13 лет царствования было осуществлено 1158 передач музейных экспонатов, в том числе в Эрмитаж – 453, в Исторический музей – 270.

Большое внимание Александр III уделял реставрации и поддержанию памятников российской древности. Именно благодаря его вниманию были открыты и отреставрированы фрески бывшего Кирилловского монастыря в Киеве XII в. Из своих личных средств он выделял суммы на реставрацию памятников старины, в частности, на реставрацию Углицкого дворца и иконостаса к царским вратам с Куликова поля, на восстановление Ладужской крепости. Характерно что при представлении ему древних царских врат из церкви на Куликовом поле, Государь выразился совершенно определенно: «Памятники древностей стоит оставлять на месте их происхождения»¹⁸.

При поддержке Императора, в январе 1890 г. в Москве был проведен VIII юбилейный археологический съезд, посвященный 25-летию деятельности Московского Археологического общества, проходивший под председательством великого князя Сергея Александровича. В юбилейной выставке, развернутой в 11 залах Исторического музея участвовали три музея: Тверской, Рязанский и Исторический, а также представители частных собраний Москвы. На

выставке демонстрировались экспонаты и из церковно-археологического музея Киевской духовной академии и отдельных церковных ризниц.¹⁹

При Александре III был подготовлен проект создания Русского археологического института в Константинополе, стало действовать Русское православное Палестинское общество, позже получившее наименование Императорского.²⁰ Во главе него стал великий князь Сергей Александрович. Размах раскопок в Палестине был настолько велик, что «Русское место» стало именоваться «Русские раскопки».

Особое внимание уделял Император эстетическому воспитанию народа. Он считал, что «распространение искусства есть дело государственной важности»²¹. В этом следовал заветам Ф.М. Достоевского, который писал, что «общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы - ничего не основывается»²². Император, согласно историку И.Е. Забелину, был хорошо знаком с произведениями Ф.М. Достоевского. Граф С.Д. Шереметев в своих мемуарах подчеркивал, что Ф.М. Достоевскому «...Государь предавал большое значение»²³.

Александр III высоко оценивал деятельность П.М. Третьякова по созданию в Москве картинной галереи, которая открылась весной 1893 г. Дочь Третьякова А. Боткина вспоминала: «Открытие приурочили к посещению галереи Александром III и его семьей. Павел Михайлович был вполне удовлетворен простотой обстановки и обращением царской семьи. Своим обхождением Александр III как будто хотел подчеркнуть, что он в гостях у Павла Михайловича Третьякова в обстановке его галереи. Когда пришли в зал с лестницей, где тогда висели портреты Васнецова и где был устроен буфет, Александр III взял бокал шампанского, и обращаясь к Павлу Михайловичу, сказал: «За здоровье хозяина!» Помню, какую радость это мне доставило...» Этим посещением ознаменовалась официальная передача галереи городу Москве и она открылась для посетителей.

Художественная общественность страны высоко оценивала деятельность Императора на поприще художественного воспитания народа, его поддержку русского традиционного искусства. Из воспоминаний художника М.В. Нестерова: «Тогда говорили, что государь очень ценил деятельность П.М. Третьякова, такого молчаливого, не любящего бросать слов на ветер, как он и сам. Говорили, что Государь вызвал перед тем Павла Михайловича и, усадив его у себя в кабинете, оставаясь сам стоять, говорил с ним о нуждах русского искусства, искренне его любя и уже тогда задумал создать особый «Русский музей» в северной столице.»²⁴.

С середины 80-х годов Александр III, как признают современные исследователи, стал главным коллекционером и меценатом страны и серьезным конкурентом П.М. Третьякову. Так Александр III опередил Третьякова в покупке для своего будущего музея картины Поленова «Христос и грешница», Репина «Запорожцы» и «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных», Мясоедова «Страдная пора», «Косцы» и других. Однако П.М. Третьяков, понимая, что многие художники завышали цены на свои картины при выборе их Императором, писал Н.Я. Ярошенко после XV выставки: «Расположение Государя цените и поддерживайте, не разочаровывайте Императора, тем более, что не требуется какой-либо «услужливости» в содержании картин, напротив представляется «полная свобода»».

Создание в Санкт-Петербурге музея русского искусства, в стенах которого могли бы демонстрироваться наиболее талантливые картины русских художников и вместе с тем соединиться и единстве два направления в русском изобразительном искусстве в виде работ

художников-передвижников и мастеров Императорской Академии было особой заслугой Императора. Эта идея возникла у Александра Александровича в конце 80-х годов. «Его Величество, – вспоминал художник А.П. Боголюбов – сказал мне: “А ваши товарищи-передвижники все перекочевывают из одного городского зала в другой с тех пор, как Исаев (конференц-секретарь Академии художеств – Ю.К.) их выжил из Академии. А потому я часто и серьезно думаю о необходимости создания и Петербурге Музея русского искусства. Москва имеет, положим, частную, но прекрасную галерею Третьякова, которую я слышал, он завешает городу. А у нас ничего нет”»²⁵.

К решению создания Русского Музея Александра Александровича подтолкнула выставка «25 лет русского искусства», организованная в 1882 г. на Всероссийской выставке в Москве. Участниками выставки были Императорский Эрмитаж, Императорская Академия Художеств, известные коллекционеры: П.М. Третьяков, К.Т. Солдатенков, Д.П. и М.П. Боткины, Н.А. Терещенко и С.Л. Мамонтов, сам император и его брат – великий князь Владимир Александрович, президент Академии Художеств.

С разрешения императора из его коллекции для демонстрации на выставке были представлены тридцать картин более двадцати художников русской школы, среди которых были: И.К. Айвазовский, Л.П. Боголюбов, В.В. Верещагин, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, К.А. Савицкий, Г.И. Семирадский, Ф.А. Васильев, Б.П. Виллевалде и др.

Александр III, посетивший вместе с Императрицей Марией Федоровной, выставку, находился под впечатлением грандиозности увиденного, т.к. выставка со всей наглядностью демонстрировала весь двадцатипятилетний путь развития русского живописного искусства.

Мысль о создании в Санкт-Петербурге общественного «всемирного» музея не покидала императора и в последующие годы. Об этом он говорил в 1889 г. при посещении выставки в Академии Художеств художника Г.И. Семирадского (его пяти произведений), а также во время осмотра картин передвижников на XVII выставке Товарищества передвижников в доме Боткиной на Сергеевской улице. Все приобретения императором и императрицей картин были сделаны уже, как говорил император, «для будущего музея».

Из воспоминаний В.П. Мещерского: «Государь был очень воодушевлен мыслью о Музее и на этой выставке купил восемь картин, повторяя: “Это для будущего Музея”». Застоявшись на одной из передвижных выставок перед картиной И.Е. Репина «Св. Николай, останавливающий неправую казнь», Государь сказал: «Вот прекрасная вещь для Музея», и картина была приобретена»²⁶.

Для музея императора Александра III были также приобретены картины И.Е. Репина «Запорожцы» и «Святитель Николай», В.Е. Маковского «Проповедь в сельской церкви», «Мальчик-рыболов», «Сборщик на церковь», «Рыбачки» и др. А.Е. Архипова «На Волге», М.К. Клодта «Забота», Е.Е. Волкова «Церковь», «Сельцо», К.П. Брюллова «Утро», В.Д. Поленова «Христос и грешница», Г.Г. Мясоедова «Косцы» и др.

На выставке Семирадского Император сказал М.П. Боткину, согласно его воспоминаниям, что «уже идут переговоры о месте музея – доме Министерства Государственных Имуществ – и изложил в подробностях планы замены глухой крыши стеклянной. Он сказал, что «русская коллекция Эрмитажа императорских дворцов и Академии Художеств, конечно, войдут в Музей и что много картин русской школы из приобретенных частными лицами – московскими собирателями как К.Т. Солдатенков и П.М. Третьяков, на что государю было доложено, что П.М. Третьяков намерен пожертвовать свою коллекцию городу Москве».

Вскоре последовало Высочайшее повеление известному знатоку художественных ценностей, писателю Д.В. Григоровичу произвести описи предметов, имеющих преимущественное «художественное значение в дворцах – Гатчинском, Александровском, Елагинском, Зимнем, Лазенковском, Петровском, всех Петергофских», которое было исполнено Д.В. Григоровичем в течение четырех лет – с 1884 по 1888 гг.²⁷

Император предполагал собрать в будущем Музее также и произведения русских художников, относящиеся к более раннему периоду, – учитывая то обстоятельство, что в галерее П.М. Третьякова были собраны картины, относящиеся к одному, и притом сравнительно непродолжительному периоду русского искусства <...>, главным образом к 70-м и частью 60-м и 80-м годам XIX столетия.

Александр Александрович ставил грандиозную «историческую» задачу – в будущем музее представить русское искусство на более широком историческом отрезке. Известно, что в собрании Императорской семьи помимо современных художников находились работы русских мастеров более раннего времени: в том числе В.Л. Боровиковского, К.П. Брюллова, А.Г. Венецианова, Д.Г. Левицкого, В.А. Тропинина, П.А. Федотова, С.Ф. Щедрина и многих других. Тогдашняя пресса неоднократно подчеркивала тот факт, что Императорские коллекции изобиловали шедеврами, что в Аничковом дворце была собрана «замечательная коллекция художественных произведений», что Ливадийский дворец «изобилует картинами русских и иностранных художников, а равно и статуями», что в помещениях императорского охотничьего дворца в Спале, «множество развешанных по стенам превосходных картин всех родов живописи», и что каждый из этих и других дворцов, являет собой «вид художественного хранилища, а Гатчинский замок превратился буквально в склад бесценных сокровищ».

Действительно, к 1894 г. в коллекции картин Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны насчитывалось около 900 собранных ими полотен. Из них 580 – это были произведения русских художников и около 320 – произведения западноевропейских художников.

К началу 90-х годов вопрос о создании музея национальной живописи в Санкт-Петербурге был для Императора Александра III решенным, но вопрос о здании под Музей долгое время, вплоть до смерти Императора, оставался открытым.

Император не дожидаясь открытия Русского Музея. Это сделал его сын – император Николай II. 12 апреля 1895 г. последовал его высочайший указ «Об учреждении особого установления под названием “Русского Музея Императора Александра III”» и о предоставлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом». 13 апреля 1895 г. была учреждена памятная медаль «Музея Императора Александра III». Русский музей был открыт 7 марта 1898 г. в присутствии императора Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны и других членов императорской семьи. Примером личного отношения к искусству, участием в выставочных делах, в самой художественной жизни Александр Александрович в определенной степени «запрограммировал» последующую деятельность в области изящных искусств своего сына-преемника. Русский Музей занимал 37 залов, разделенных на 10 отделов. Основой коллекции музея были 80 картин из Эрмитажа, 120 – из Академии Художеств, 200 – из дворцов Зимнего, Гатчинского, Александровского в Царском Селе. Своей деятельностью по созданию в Петербурге Русского Музея император Александр III сохранил для потомков наиболее значительные произведения русской живописи XIX в.

Значительной была поддержка со стороны императорской власти и уже действовавших музеев, в первую очередь, крупных столичных музеев как, например, Эрмитаж. Эрмитаж был широко посещаем ввиду того, что доступ туда был бесплатным для любого гражданина Российской империи.

В 1883 г. Александр III «приказал выделить из общего состава Высочайшего двора наиболее старинные и ценные с художественной точки зрения предметы и хранить их вместе со старинными фарфоровыми изделиями и сервизами в отдельных помещениях Зимнего дворца. Эта галерея исторического фарфора и серебра получила наименование «Музей императора Александра III».

В 1884 г. для Эрмитажа Императором была куплена коллекция А.Т. Базилевского – 760 художественных памятников Средневековья и эпохи Возрождения. В том же году императором была приобретена Сабуровская коллекция терракот, явившаяся одной из наиболее ценных в собрании Эрмитажа, за которую Александр III отдал из «собственных сумм» пять миллионов франков²⁸.

В 1886 г. Эрмитаж пополняется также коллекцией А.М. и Д.М. Голицыных (раздел живописи или «родового собрания» – 118 произведений итальянских, голландских, фламандских, немецких, французских и испанских художников, а также коллекции памятников прикладного искусства, скульптуры и библиотека), приобретенной Александром III по инициативе директора Эрмитажа А. Васильчикова за 800 тысяч рублей. В 1888 г. в состав Эрмитажа вошла и коллекция графа Блудова, собранная в Афинах²⁹. Лично Александром III специально для Эрмитажа были куплены полотна М.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Т.А. Неффа, К.Е. Маковского и других русских художников.

В 1885 г., благодаря решению императора, Эрмитаж впервые получил финансовую самостоятельность. Бюджет музея увеличился в два раза. На пополнение коллекций Эрмитажа было израсходовано более 3 млн. рублей.

Император поддерживал также и Московский публичный Румянцевский музей. В конце 80-х годов он передал в дар Музею галерею картин русских художников XVIII – второй половины XIX в., купленную им у коллекционера Ф.И. Прянишникова (1793-1867).

В те же годы в Румянцевском музее работал известный философ, основоположник «русского космизма» Н.Ф. Федоров (1874-1898), отводивший в своих трактатах «музею» как институту особую роль. (См. «Музей, его смысл и назначение») Его казалось утопические музейные проекты заставляли задуматься о смысле, назначении и огромном культурном потенциале музея, который по мнению философа, должен был стать местом сосредоточения всех сил, способных преодолеть «небратские» состояния и объединить человечество для «общего дела». Согласно учению Федорова, «музей есть выражение памяти», общей для всех людей как собора всех живущих, памяти неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц»³⁰.

Н.Ф. Федоров высоко оценивал деятельность Императора Александра III в области культурного строительства. В 1894 г. он писал: «Смерть Александра III вызвала небывалое сочувствие к умершему императору-миротворцу, доказала, что самодержавие перестало быть таким пугалом для Запада, каким оно было в первой половине прошлого, XIX века...».

Проводя в стране военную реформу, Александр Александрович активно развивал идею создания в стране военно-исторических музеев, которые должны были стать музеями воинской славы России, имеющими мемориальное значение. Он поддержал инициативу

общественного и музейного деятеля П.В. Алабина (1824-1896) в деле создания в городе Севастополе Музея Севастопольской обороны³¹.

В октябре 1870 г. Александром Александровичем от его имени было опубликовано воззвание «ко всем, знающим что-то о Севастопольской защите». Все материалы, говорилось в воззвании, должны были быть направлены «Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу в собственные руки в Санкт-Петербург от севастопольца»³². Ожидания Цесаревича оправдались. На его имя стали поступать рассказы, воспоминания, письма, записки и дневники. Они стали главным основанием для созданного позже Севастопольского музея и послужили историкам настоящим пособием к восстановлению полной и точной истории Севастопольской обороны.

Собранный материал по предложению Цесаревича был – опубликован в специальном сборнике: «Главная цель настоящего издания, говорилось во введении, – собрать для русских читателей в одной книге рассказы очевидцев и участников об одном из величайших событий нашей истории, в котором с такою силой и в такой высокой простоте проявилось движение русского, народного духа на защиту родного края. Для всякого Русского, к какому бы сословию ни принадлежал он, для юношей, равно как и для взрослого, чтение великой повести о Севастопольской обороне, рассказанной сподвижниками, послужит навсегда неисчерпаемым источником благороднейшего вдохновения, утверждая и оживляя в сердцах чувство любви к Отечеству и верности, не знающей предела самоотверженности... Обнародование предполагаемых рассказов имеет целью вызвать и со стороны других очевидцев и участников того же дела такие дополнения и объяснения, которые могли бы впоследствии послужить для будущего историка верным пособием к восстановлению полной и точной истории Севастопольской обороны»³³. В сентябре 1869 г. в доме генерала Э.И. Тотлебена в Севастополе был открыт музей под названием «Севастопольский музей» (ныне «Музей черноморского флота»).

На политехнической выставке в Москве 1872 г. при поддержке Александра Александровича был создан Севастопольский отдел. Дневниковые записи Цесаревича свидетельствуют от том, какое внимание он уделял делу создания Севастопольского музея. 2 (14) ноября 1871 г.: «В 3 1/4 пришел ко мне Мещерский, с которым мы говорили о нашем деле по сбору сведений о Севастополе и уже многие начали собирать и присылать». 3(15) ноября 1873г.: «Вторник. В 12 принимал депутата от Севастопольского музея и во главе их д{ядя} Низи (великий князь Николай Николаевич-старший – Ю.К.). Они приехали благодарить меня за желание увеличить музей числом рассказов и сведений об обороне Севастополя»³⁴.

В конце XIX в. широкое движение по созданию войсковых или так называемых полковых музеев охватило всю страну. Ордена, медали, образцы оружия, предметы снаряжения и оборудования, личные вещи – все поступало в фонды музеев. Первый войсковой музей был создан в 1866 г. в 65-м Московском пехотном полку, а в конце XIX – начале XX в. на территории России было уже создано 300 воинских музеев. Воинские части, отмечавшие свой юбилей, писали свои истории³⁵. Инициаторами музея часто были офицеры полка или воинской части. Генерал-лейтенант З.А. Макшеев (1858-1935) возглавил основанный в 1864 г. первый в мире Педагогический музей военно-учебных заведений³⁶. «Никогда еще со времени устройства регулярной армии, в России – писал военный историк генерал П.О. Бодровский в 1901 г., – не было такого горячего стремления иметь историю полков, как в последние 25 лет.»³⁷. Музеи создавались и на отдаленных от центра территориях. В 80-х годах XIX в. по инициативе бывшего командующего гражданской частью на Кавказе князя Л.М. Дондукова-Корсакова в г. Тифлисе началось создание Военно-исторического музея – «Храма Славы». Для музея собирали различные трофеи, добытые кавказскими армиями на полях сражений,

портреты полководцев и военачальников, картины, изображавшие военные подвиги. Некоторые картины были заказаны известному художнику Ф.А. Рубо.

В 1888 г. накануне визита императорской четы – Александра III и Марии Федоровны – на Кавказ полковнику русской армии П. Потто было поручено составить краткие биографические очерки высших офицеров, служивших на Кавказе, портреты которых уже находились в музее, и сделать описания этих картин³⁸.

Петербургские музеи – Морской и Артиллерийский – обрели в бытность императора Александра III новую жизнь. Морской музей, носивший имя Петра Великого, неоднократно посещавшийся Александром Александровичем, расширил свои экспозиции и преумножил коллекции. Один из залов музея был посвящен царствованию Александра III, придававшему развитию морского дела в России, огромное значение. Крылатая фраза императора «У России нет союзников, кроме армии и флота», была хорошо известна современникам и дошла до наших дней.

Особый интерес у Александра Александровича вызывал Петербургский Артиллерийский музей. Юбилейные торжества по случаю 500-летию русской артиллерии, на которых лично присутствовал император, собрали огромное число гостей, среди которых были начальники главных управлений Военного Министерства и Военных академий, артиллерийские генералы, ветераны русской артиллерии, представители многочисленных научных и военно-учебных заведений, музеев и члены императорской семьи. Поблагодарив начальника Артиллерийского музея генерал-фельд-цейхмейстера Н.Е. Брандербурга за проделанную работу, Император произнес здравицу и честь русской артиллерии³⁹. После смерти императора в 1895 г. в музее была установлена бронзовая скульптура Александра III работы А. Вернера.

Развитие музейного дела было тесно связано с бурным историческим, культурным и научным развитием страны, шедшей по пути буржуазных преобразований. Важным фактором создания новых музеев и развития музейного дела был процесс дифференциации наук и возникновения различного рода научных направлений. Наряду с Астраханским Естественно-научным музеем, созданным в 1856 г. ученым естествоиспытателем и мыслителем К.Э. Бэр, задачей которого было развитие Астраханского края, в 70-х годах в Нижнем Новгороде ученым-почвоведом и музейным деятелем В.В. Докучаевым был создан Земской естественно-исторический музей.

Развитие научных исследований, регулярное проведение в России съездов естествоиспытателей и врачей активно поддерживалось императорской властью. В 1886 г., по величайшему повелению Императора, выдающемуся русскому ученому К.Э. Бэру в Дерпте был поставлен памятник, автором проекта которого был архитектор А.М. Опекушин.

Оценивая роль Императора в развитии научных знаний, В.В. Докучаев в 1889 г. после приема Александром III в рабочем кабинете Аничкова дворца делегации представителей VIII съезда естествоиспытателей и врачей, в составе которых были: Д.И. Менделеев, Н.В. Склифосовский, А.Г. Столетов, А.Н. Бекетов, В.В. Докучаев, писал в отчете: «Императору снова угодно было выразить свое благоволение представителям съезда. Такой необыкновенно милостивый прием тронул до глубины души каждого из представляющихся, показал, сколь близки сердцу монарха наука и ее приложение на пользу Отечества»⁴⁰.

Написанный В.В. Докучаевым Устав для земского естественно-научного музея (1882) инициировал создание в стране сети естественно-исторических музеев. На основе этого Устава был выработан расширенный устав для провинциальных естественно-исторических музеев, а также создана программа для наблюдений и собирания коллекций по геологии, почвоведению, ботаники, зоологии и пр., которые были направлены в губернские земские

управы, статистические комитеты⁴¹. В 1889 г. коллекции почв из музеев В.В. Докучаева демонстрировались на всемирной выставке в Париже, и также, как и труды ученого, были удостоены золотой медали.

Музеи, картинные галереи, публичные библиотеки во второй половине XIX в. стали нормой общественной жизни и даже насущной потребностью. Старые музеи реорганизовывались, расширялись, укреплялись, укоренялось представление о музее как научном учреждении. Музеи выполняли роль хранителей научных ценностей, «популяризаторов знаний» и становились заметным фактором культурной жизни страны, предметом общественного внимания.

Научные архивные комиссии создавались в губернских городах и на окраинах Российской империи, в частности, и на присоединенных территориях Средней Азии, Кавказе, что способствовало духовному и культурному развитию этих областей. Собираание плодов народного творчества, традиционных картин народной жизни, различного рода предметов народной жизни, сказок, былин, песен, входило в повседневную жизнь защитников народной культуры.

В разных городах страны действовало несколько сотен музеев – правительственных, частных, церковных и общественных. Люди, способствовавшие учреждению и организации губернских музеев, принадлежали к различным социальным слоям, но тон в значительной степени задавало новое русское купечество и предприниматели, занимавшиеся широкой благотворительностью. Благодаря щедрому покровительству монарха в ряде городов России открылись первые губернские художественно-промышленные музеи. Большой вклад в создание провинциальных музеев внесли представители культурной и общественной жизни России, художники, писатели, артисты. Параллельно с открытием музеев при них, в таких городах как Киев, Одесса, Харьков, Саратов, Казань, Смоленск, на средства государственных, частных лиц и земств создавались средние художественные школы.

Первым таким художественным музеем в провинции, был музей А.Н. Радищева, открытый в городе Саратове, по инициативе известного художника, внука А.Н. Радищева – А.П. Боголюбова, который был близок к императорскому двору. В своих воспоминаниях художник дал подробное описание обстоятельств создания музея, отметив важную роль, которую сыграл в этом вопросе император Александр III. Он писал: «Мысль об учреждении музея и школы в моем родном городе Саратове меня всегда занимала, тем более, что дед мой, известный литератор Екатерининского века был саратовским помещиком и именитым дворянином. Мысль мою, однажды я решился словесно повергнуть на обсуждение Его Величества и, получив одобрение, начал действовать. Предложение мое было принято Саратовскою Думою, план здания был Высочайше утвержден, и через три года музей был открыт, а я был осчастливлен следующей Высочайшею телеграммою из Петербурга: «Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освящению Радищевского музея, которому от души желаю успеха и процветания на пользу художества и искусства в России»⁴².

А.П. Боголюбов рассказывал о том, что поддержка императора в деле формирования музея была очень важной, ибо коллекция самого художника, легшая в основу создания музея, была «весьма незначительной». «Государь Император оказал щедрую помощь новому учреждению. Он дал право выбрать из складов Эрмитажа дубликаты картин древней школы Императорских заводов: фарфоровые, гранильные и стеклянные, снабдили меня, – писал Боголюбов, – своими дубликатами всякого рода и разных эпох. Императорский кабинет отпустил излишние мраморы и другие предметы. Когда же состоялась покупка Голицынской галереи в Москве, то Государь снова велел передать в Радищевский музей все, что оказалось

непригодным для Эрмитажа, так что Радищевский музей получил дорогие картины, прекрасный фаянс, и русский со множеством мелких бронз эпохи Людовика XV и японских редкостей»⁴³. Среди этих картин были в частности: шедевр младшего современника Рафаэля и Микеланджело Джорджо Вазари «Триумф Вакха».

Большую поддержку в деле создания музея в Саратове оказал также обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, о чем свидетельствует его письмо от 6 декабря 1877 г. саратовскому губернатору М.П. Галкину-Враскому: «Для развития вкуса и таланта очень важно, чтобы в городах наших, подобно тому, как на Западе бывает, заводились подобные (художественные – Ю.К.) музеи. Мысль его (А.П. Боголюбова – Ю.К.) остановилась на Саратове, потому что к Саратову принадлежал его дед, к памяти коего он благоговеет, известный Александр Николаевич Радищев, и потому желательно было бы ему, чтобы музей носил имя Радищева». Любопытен тот факт, что «реакционер» Победоносцев ходатайствовал перед саратовским губернатором об открытии музея в Саратове, и о присвоении этому музею имени «опального» писателя, охарактеризованного императрицей Екатериной II «бунтовщиком хуже Пугачева». По мнению Боголюбова, музеи должны были выполнять задачу не только художественного и эстетического воспитания, но должны были стать «пособием» при художественно-промышленных школах, способствуя выявлению одаренных учеников и развитию местных ремесел. Боголюбову удалось учредить при музее рисования училище. Из воспоминаний художника: «...я снова имел счастье пользоваться указаниями Его Величества, чтобы подчинить ее центральной школе барона Штиглица и держать как филиальное отделение, для чего мною были пожертвованы по моей смерти 200 000 рублей, которые по Высочайшему повелению, приняты Государственным банком на вечное пользование с процентами в размере 8 000 руб. Благодаря решению председательницы учреждения барона Штиглица, Н.М. Половцовой и обеспечивалось по моей смерти, выдачею этой суммы совместно с гор. Саратовом, но, по урегулированию всего, оставалось, чтобы гор. Саратов обязался вечно прибавлять к ней 900 руб. Сумму эту я хотел тоже обеспечить взносом капитала, но Его Величество изволил сказать мне: «Этого не делайте... а предоставьте городу быть всегда помощником вашей благотворительности, не лишая его должного интереса и попечения о музее и вашей школе». Все эти подробности привожу, собственно, для того, чтобы показать, как мудры и внимательны были указания Государя к столь малому делу.»⁴⁴.

Проект здания саратовского музея им. А.Н. Радищева архитектора И.В. Штрома, закладка которого состоялась в мае 1883 г. на театральной площади Саратова, был лично утвержден Императором Александром III. Строительство здания музея завершилось в 1885 г. Коллекция музея пополнялась экспонатами Петербургской академии художеств и Эрмитажа.

Позже художественно-исторические музеи были созданы и другими выдающимися русскими художниками: В.М. Васнецовым в его родном городе Вятке и М. Нестеровым – в г. Пензе, в Феодосии И.К. Айвазовским, в г. Щадринске Пермской губернии – И.К. Бронниковым. Частные собрания превратились и общедоступные галереи. Подобные галереи были созданы в Нижнем Новгороде художником Н.А. Кошелевым, мастером художественной галереи А.А. Кареллиным, в Калуге – врачом Н.И. Васильевым. В 1894 г. в Москве купец А.А. Бахрушин создал частный литературно-музыкальный музей.

Особое внимание Император уделял созданию в государстве широкой сети ремесленных школ, равно как и введению обязательного обучения ремеслу во всех народных школах, чтобы, по словам А.П. Боголюбова, «истинные таланты могли проявиться в них для окончательного образования в высшей Академической школе».

21 декабря 1881 г. в Санкт-Петербурге состоялось открытие главного здания Центрального училища технического рисования, получившего имя барона Александра Людвиговича Штиглица (1814-1884) – банкира и промышленника, на чьи деньги было основано училище. На парадной лестнице здания была установлена мраморная доска, на которой золотыми буквами была выбита надпись: «Заложен 1 Июля 1878 г. в царствование Императора Александра II. Открыто 29-го Декабря 1881 в царствование Императора Александра III, сооружено иждивением Барона Александра Людвиговича Штиглица».

После создания в 1890-х годах филиалов в Нарве, Саратове, Ярославле училище получило название Центрального. Первым его директором с 1879 по 1896 г. был архитектор М.Е. Месмахер, спроектировавший главный корпус училища.

В 1892 г. в ЦУТР на отделениях художественной майолики, декоративной живописи и резьбы, чеканки, ксилографии и офорта, живописи по фарфору, ткацкого и набивного дела обучались 200 человек. Училище готовило художников декоративно-прикладного искусства для промышленности, а также учителей рисования и черчения для средних художественно-промышленных школ. Оно находилось под неусыпным вниманием императора Александра III, который вместе с императрицей посещал его, встречаясь со студентами и преподавателями. Член Государственного Совета, знаток и собиратель произведений искусства, почетный член Академии художеств с 1868 г., ставший после смерти А.Л. Штиглица попечителем училища, Половцов в своих дневниках отмечал, что Александр III и его брат – великий князь Владимир Александрович (бывший президентом Академии художеств) «любили и понимали рисование и его воплощение».

Преподавателями ЦУТР были известные художники и скульпторы: А.Д. Кившенко, М.К. Клодт, А.Т. Матвеев, В.В. Матэ, А.И. фон Гоген, Н.А. Кошелев, А.А. Рылов и др. Из стен училища вышли также такие выдающиеся художники как Апполинарий Васнецов, Кузьма Петров-Водкин, Анна Остроумова-Лебедева, Алексей Талашук и другие.

Развитию музейного дела способствовала широкая выставочная деятельность, которая наблюдалась в России во второй половине XIX в. Выставки – всероссийские и местные, промышленные, сельскохозяйственные, этнографические – становились важным фактором развития хозяйства, культуры, науки, музейного дела в стране. Начало этому процессу было положено еще указом Императора Николая I, когда в 1836 г. Д.Н. Блудов разработал план губернских выставок, по которому были определены их цели, структура и состав. Наиболее представительной выставкой, в которой принял непосредственное участие цесаревич Александр Александрович, была Политехническая выставка 1872 г. в Москве, программа которой была составлена коллективом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Александр Александрович и Мария Федоровна были постоянными посетителями всех крупнейших столичных выставок и в первую очередь художественных и, в частности, Товарищества передвижников а также выставок Академического общества русских акварелистов, что способствовало их личному знакомству с широким кругом деятелей искусства, среди которых были известные художники, скульпторы, критики, коллекционеры и музейные работники: Д.В. Григорович, А.В. Прахов, Д.А. Ровинский, П.М. Третьяков, М.М. Антокольский, Александр и Альберт Бенуа, А.П. Боголюбов, В.М. Васнецов, Н.Н. Каразин, И.Н. Крамской, М.В. Нестеров, А.М. Опекушин, В.Д. Поленов, И.Е. Серов, В.И. Суриков, И.И. Шишкин и многие другие. В мае 1891 г. Государь с Государыней посетили выставку, посвященную 25-летию творческой деятельности И.Е. Репина. Александру III была показана картина «Арест нигилиста» («Арест пропагандиста» - авт.). «Даже «Арест нигилиста»

вытащили ему, - писал Репин дочери Льва Толстого, - он рассматривал и хвалил исполнение, хотя ему показалось странным, почему я писал это так тонко и собирательно». В другом письме Репин по поводу этого посещения выставки государем писал: «Как милостив и внимателен к нашим работам Государь. Мне показалось, моя выставка при нем вдесятеро интереснее, и я без умолку объяснял разные подробности о своих работах... Как он восхищался “Запорожцами”»⁴⁵.

Новый уровень выставок сельскохозяйственной, экспозиционной и просветительской деятельности способствовал развитию музейного дела в целом, а позже на их основе – созданию различного рода музеев. Из петербургской Кунсткамеры в XIX в. выделились ряд профильных музеев – Зоологический, Ботанический, Минералогический. Были также созданы Музей прикладной естественной истории при Вольном экономическом обществе (середина XIX в.), Дашковский этнографический музей (1867), Музей антропологии (1879).

Признанием величайших заслуг Александра Александровича в деле музейного строительства в России было создание в Москве на Волхонке после его смерти Музея изящных искусств имени Императора Александра III. Дочь основателя Музея профессора Московского университета И.В. Цветаева поэтесса Марина Цветаева в своей книге «Отец и его музей» писала: «Звонили колокола по скончавшемуся Императору Александру III, и в это время отходила одна московская старушка (купчиха Алексеева – Ю.К.) слушая колокола, сказала: «Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя...». Александровский музей – так называл профессор И.В. Цветаев Музей изящных искусств на Волхонке. По предложению мецената Нечаева-Мальцова в Музее, в его центральном зале был установлен памятник Императору Александру III работы знаменитого русского архитектора, вышедшего из крепостных А. Опекушина (в настоящее время нахождение памятника неизвестно – Ю.К.). Торжественное открытие Музея состоялось 30 мая 1912 г. в присутствии Императора Николая II, Императрицы Марии Федоровны, членов императорской семьи, внесших большой вклад в создание Музея. Каждый зал Музея носил имя того лица, кто активно способствовал его созданию. Так «Екатерининский зал» получил имя главного мецената Музея Ю.С. Нечаева-Мальцова, «Вавилонский» – великой княгини Елизаветы Федоровны, средневековой скульптуры – цесаревича Алексея Николаевича. Были также залы имени Императрицы Марии Федоровны и Александры Федоровны, великих князей Владимира, Сергея, Павла Александровичей, королевы эллинов Ольги Константиновны. «С открытием музея – писал И.В. Цветаев, – реализовалась почти сто лет вынашиваемая идея о создании в Москве правильного музея по истории мирового искусства».

И.В. Цветаев был лично знаком с Императором Александром III, он высоко оценивал его деятельность на благо России и особенно его человеческие и нравственные качества. Он называл Александра Александровича «Царем Благочестия», жизнью своей наиболее воплотившей в себе народный идеал Русского царя-самодержца»⁴⁶.

Не случайным был и тот факт, что открытие Музея изящных искусств Императора Александра III 30 мая 1912 г. совпало с открытием памятника Императору Александру III у Храма Христа Спасителя, состоявшимся 31 мая 1912 г., который Цветаев назвал «всенародным памятником». Выбор места для установки памятника был представлен по распоряжению генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича – И.В. Цветаеву, чей профессиональный и нравственный авторитет был очень велик. В своей записке о наиболее подходящем месте в Москве для возведения памятника, И.В. Цветаев писал: «Высочайшею волею выпало счастье украсится сим памятником на долю древнейшей столицы. Естественны заботы Москвичей, чтобы место для такого монументального сооружения избрано было вполне отвечающее и величию Государя, покрывшего себя особой

славою во всех концах мира, и той всеобщей любви, которая окружала Его в своем многомиллионном народе... Колоссальная сумма пожертвований, стекающаяся со всех концов России на памятник Императору Александру III, достигла 1.695.003 руб. 20 1/2 коп.⁴⁷ (Эта колоссальная цифра не являлась еще окончательною) наглядно показывает, какую безграничную любовь пользовался в своем народе почивший Государь, безвременная кончина которого вызвала отовсюду, из всех слоев нашего разнородного населения, и это беспримерное количество единодушных приношений к Его горячо оплаканной могиле. И эти по своим размерам небывалые в истории наших государственных памятников жертвы на достойное увековечивание Его славного имени и в памяти современников, и отдаленного потомства».

Выбор И.В. Цветаевым места для памятника пал на место у стен Храма Христа Спасителя. Памятник был торжественно освящен и открыт в мае 1883 г. в дни коронации Императора Александра III. Обосновывая свой выбор Иван Владимирович писал: «Русский народ легко поймет это единение возвышенных идеалов своих Царей и учения Церкви, легко поймет именно такое значение царских памятников вблизи церковных стен и тем большее почтение понесет он тогда к их изображениям. И как знать, что статуе Императора Александра Александровича не суждено здесь положить более прочное начало явлению в будущем Российской истории? Независимого от этого общего соображения существуют в занимаемом теперь Россию вопросе и особые обстоятельства. Есть и особые мотивы, созданные личным характером и личной жизнью в Бозе почившего Монарха: Император, положивший столько попечений «о мире всего мира» и Богом вверенного Ему народа, этой стороной Своей деятельности как нельзя более приближается к Церкви, которая молит о том же и учит жить в мире»⁴⁸.

О заслугах императора перед Россией и миром красноречиво скажет после его смерти профессор В.О. Ключевский: «Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России, но и всей Европы, но и в русской историографии скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, одобрил и приподнял русскую историческую мысль, русское историческое сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее».

¹ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995 г.

² Александр Бенуа Мои воспоминания. В 5 книгах. М., 1990 г.

³ Л.Тихомиров Монархическая государственность. М., 2006

⁴ Речь вице-председателя Общества сенатора П.П. Семенова в первом осеннем общем собрании членов Императорского русского географического общества. СПб, 1894

⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2000 г., с.490

⁶ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Указ. соч.

⁷ ГАРФ. ф. 648 оп.1. д.52. л. 2006

⁸ И.Е. Забелин. Дневники. Записные книжки. М., 2002, с. 129

⁹ И.Е. Забелин. Указ. соч. С. 20

¹⁰ Цветаев И.В. Народный идеал русского царя-самодержца /о памятнике Александру III// Источник. М., 1966. № 1

¹¹ Ключевский В.О. Речь, произнесенная в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. М., Типография Московского университета, 1894

¹² Назаревский В.В. Царствование Императора Александра III 1881-1894. М., 1910

¹³ Дубровин Н.Ф. Памяти императора Александра III // Русская старина. Т.4 XXXII. 1894

¹⁴ См. подробно Ю.В. Кудрина Александр III и развитие исторических знаний в России // Новая и новейшая история. 2008 № 6. стр. 146-154

¹⁵ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. Т. 1. 1883-1886. М., 2002. с. 143

- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 677, оп. 1., д. 300. Л. 10-11
- ¹⁷ А.В. Прахов. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. Ежемесячный сборник, издаваемый Императорским обществом поощрения художеств. Т. III - й. № 4. С-Петербург, 1903
- ¹⁸ см. Прахов А.В. Указ. соч.
- ¹⁹ Каталог выставки VIII юбилейного археологического съезда в Москве. М., 1890; Забелин И.Е. Указ. соч. С. 348
- ²⁰ Дмитровский А.А. Императорское православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882-1907. Вып. 1, Спб., 1907; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX-начале XX в. М., 2006
- ²¹ Ю.В. Кудрина «Распространение искусства есть дело государственной важности»: Как Александр III встал на сторону художников Товарищества передвижников в их споре с академиками// Литературная газета 2008 № 19, 7-13 мая.
- ²² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876-1877. М., 2004
- ²³ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001
- ²⁴ Нестеров М.В. О пережитом. Воспоминания. 1862-1917. М., 2006
- ²⁵ Воспоминания о Бозе почившем Императоре Александре III профессора живописи А.П. Боголюбова. Спб., 1895
- ²⁶ Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 1-3. Спб, 1897-1912
- ²⁷ Прахов А.В. Указ. соч.
- ²⁸ Левинсон-Мессинг В.Ф. История Картинной галереи Эрмитажа (1764-1917) Л., 1985 С. 215-218
- ²⁹ Лапшин В. Александр III и изобразительное искусство // Искусствознание 1998 № 2
- ³⁰ Цит. по Музееведческая мысль в России XVIII - XX в. Сборник документов и материалов. М., 2010 с. 348
- ³¹ См. Музееведческая мысль России XVIII - XX в. Указ. соч.
- ³² Рукописи о Севастопольской обороне, собранные Государем наследником Цесаревичем. В 3-х т. Спб, 1876
- ³³ Рукописи о Севастопольской обороне. Указ. соч.
- ³⁴ Дневники Великого князя наследника Цесаревича Александра Александровича 1865-1881// ГАРФ, ф. 677, оп. 1, дело 298-308
- ³⁵ См. Бобровский П.О. Истории 13 Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет 1642 - 1892. Спб, 1898
- ³⁶ Музееведческая мысль России XVIII - XX век. Указ. соч. с. 414
- ³⁷ Б.Г. Шарон Александр III и Российский императорский флот. Калининград, 2009
- ³⁸ П. Потто Царская семья на Кавказе 18 сентября - 14 октября 1888. Тифлис, 1889
- ³⁹ Б.Г. Шарон Указ. соч.
- ⁴⁰ Из протокола VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей (28 декабря - 7 января 1890 г.) Отчет секретаря VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей В.В. Докучаева. СПб., 1890
- ⁴¹ Музееведческая мысль в России XVIII - XX века. Указ. соч.
- ⁴² Воспоминания о Бозе почившем Императоре Александре III, профессора живописи А.П. Боголюбова. Спб., 1896
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Воспоминания о Бозе почившем Императоре Александре III, профессора живописи А.П. Боголюбова. Указ. соч. С. 69-112
- ⁴⁵ И.Е. Репин и Толстой Л.Н. Переписка в 2-х томах. М. - Л., 1948. Т. 2
- ⁴⁶ А.Голиков «Народный идеал Русского Царя - Самодержца» И.В. Цветаев о памятнике Александру III // Источник 1996 № 1/20/ С. 100-112
- ⁴⁷ К 1912 г. сумма по подписке на сооружение памятника Александру III вместе с нарощенными процентами составляла 2.338.586 руб.
- ⁴⁸ Записка о месте памятника в Москве императору Александру III, представленная августейшему московскому генерал-губернатору Его Императорскому Высочеству Великому князю Сергею Александровичу профессором Московского университета, действительным Статским советником И. Цветаевым // ГАРФ. Ф. 543 оп. 1 д. 683

Об авторе: Юлия Викторовна Кудрина доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член Совета Ассоциации историков Первой мировой войны